

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: НОВЫЕ РОЛЕВЫЕ ФУНКЦИИ ДИАСПОРЫ

НЕЧИТАЙЛО АНАСТАСИЯ АНАТОЛЬЕВНА

На основе анализа постмодерных подходов к пониманию феноменов нации и национальной идентичности, основных тенденций глобализации и развития глобального информационного общества исследовано формирование национальной памяти, в особенности новая роль диаспоры в формировании национальной памяти.

Ключевые слова: нация, национальная идентичность, национальная память, глобализация, глобальное информационное общество, диаспора, постмодерн.

NECHYTAILLO ANASTASIA

The national memory in the global information society conditions: the new functional roles of diaspora

Based on the analysis of postmodern approaches to understanding the phenomena of the nation, the national identity and the main trends of globalization and the development of the Global Information Society the national memory and the new roles of the diaspora in the formation of national memory are analyzed.

Key words: nation, national identity, national memory, globalization, global information society, diaspora, postmodern.

Глобализационные процессы XXI века актуализировали вопросы формирования национальной идентичности и национальной памяти в контексте постмодерного переосмысления феномена нации. Речь идет прежде всего об учетывании широкомасштабных революционных по своему характеру и содержанию, сетевых информационных воздействий, которые ставят под сомнение традиционные домодерные подходы к пониманию национальных потребностей и интересов.

Существование такой общности людей, как нация, невозможно без национальной памяти. Последнее является важным элементом самоидентификации каждого индивидуума в его отношениях с другими в пределах определённого общества [12, с.225]. При этом необходимо отметить, что история нации и её историческая национальная память – понятия далеко не одинаковые. История – это истинное, объективно-универсальное знание, тогда как память всегда является субъективной, «чьей-то памятью», обусловленной опытом и интересами какой-то социальной группы. Историю можно представлять как универсальную память рода человеческого. Но такой универсальной памяти просто не существует, так как любая коллективная память своим источником имеет определённую социальную группу, ограниченную во времени и пространстве [22, с. 20]. Следовательно, под исторической памятью следует понимать одним из сложнейших феноменов общественного сознания, который состоит из представлений людей, принадлежащих к определённой социальной группе, про прошлое нации, государства [12, с.223]. Зафиксированная в формах знаний, культурных стереотипов, символов, мифов, историческая память является уникальной совокупностью представлений национального общества про своё прошлое [7, с.72]. Национальная память основывается на исторической памяти народа, включая практически всю ретроспективную информацию, «природным способом» запечатлённую в памяти народа, атрибутах его духовной и материальной культуры.

В условиях усиления неоднозначных тенденций, обусловленных глобализацией, которая бросает мощный вызов традиционным культурам, именно национальная память должна сыграть роль консолидирующего фактора относительно этносов, наций, этнонациональных диаспор. Ведь для глобализации свойственно тяготение к унификации вопреки лелеянию национальной памяти как постоянного компонента национального и государственного сознания [20, с. 56]. В частности, в эпоху постмодерна «нация» тяготеет к выходу за территориальные пределы государств (детерриториализуется). Этому в значительной мере способствует глобализация информационно-коммуникативных процессов, которые выполняют роль мощного катализатора самоутверждения и сохранения, конструирования и реконструкции «национальной памяти» как разновидности «коллективной памяти». Ведь неопределенность и фрагментарность жизни в эпоху формирования глобального информационного общества побуждает обращаться с целью самоидентификации к прошлому, чем, собственно, и обусловлен интерес к исторической памяти не только людей, проживающих на исторической родине, но и представителей диаспоры.

Богатый опыт изучения проблем «национальной памяти» и родственных с ней понятий («коллективная память», «культурная память», «коммуникативная память», «политика памяти», «историческая амнезия», «историческая травма», «травматический опыт» и т.п.) накоплен в странах Запада. [12, с. 224]. Теоретические основы изучения исторической памяти освещены в работах Я. Ассмана, М. Хальбвакса и др. Исследованием этой проблемы посвятили свои работы Элен Руттен (Университет Бергена, Норвегия) [33], Виджей Агню (Университет Торонто, Канада) [37], Эмма Патчетт (Университет Мюнстера, Германия) [30].

В Украине исследование проблем национальной памяти существенно активизировалось только после 2006 года, когда по инициативе известного общественного деятеля

И. Юхновского был организован Украинский институт национальной памяти. Этот круг вопросов исследовали такие отечественные специалисты как Ю. Зерний, А. Коник, А. Маклюк, В. Масенко, К. Новикова, И. Симоненко, В. Солдатенко, В. Кривошея, Д. Веденеев и др.

Однако немало вопросов, связанных с осмыслением новой роли диаспоры в эпоху глобального информационного общества, требуют дальнейшего исследования. Речь идёт, в частности, об изучении нациеобразующих возможностей социальных медиа, на базе которых формируются виртуальные этносы (Virtual ethnicity), нации (electronic homeland) и Цифровые Диаспоры (Digital Diasporas).

Целью данной статьи является научный анализ воздействий глобализационных информационных воздействий на процессы нациеобразования, формирования национальной идентичности и национальной памяти не только в среде граждан, проживающих на территории Украины (резидентов), но и представителей украинской диаспоры. Одна из основных задач исследования заключается в определении существенных коррективов, которые вносит анализ роли национальной памяти и особенностей национальной памяти диаспоры в условиях информационного общества в содержательное понимание понятий «нация», и «национальное строительство».

Я. Ассман условно поделил коллективную память на культурную и коммуникативную, отмечая, что коммуникативная память – это устная традиция, которая возникает в контексте взаимоотношений между индивидами в повседневной жизни, «живая память», воспоминания про события, ориентированных на недавнее прошлое. Тогда как культурная память - это символическая форма трансляции и актуализации культурных смыслов, которые выходят за пределы опыта индивидуума или группы и ориентированы на сохранение мифологизированной истории в форме образов и традиций [1, с. 368].

Концепция «культурной памяти» очень важна именно для диаспорных исследований. Ибо важно учитывать, что каждый диаспорный писатель (или любой представитель диаспоры вообще) осознает особый «груз исторической ответственности», морально-этническую обязанность сохранять культурную память, которая в это время может систематически истребляться на исторической родине. Итак, именно осознание представителями диаспор необходимости сохранить прошлое нации является одним из факторов диаспорной идентификации [30]. Например, скандально известный «Сатанинскими стихами» представитель индо-кашмирской диаспоры в Великобритании Салман Рушди, выступая против «культурных границ», одновременно считает идентичность представителей диаспоры «переломной» по своей природе, отмечая «сохраняющую роль культурной памяти» как сохранение себя на Родине [32].

Необходимо также отметить, что концепцию культурной памяти диаспоры необходимо рассматривать в контексте коллективного повествования, памяти и травмы, поскольку национальная память связана прежде всего с историческими травмами и «большинство этнических меньшинств сосредотачивают свои коллективные иден-

тичности на памяти о прошлом», а «жертвы социальной травмы и их потомки целенаправленно и явно вербуют запоминания как форму расширения прав и возможностей, формирования идентичности» [31, с. 335].

К взаимосвязанным элементам исторической памяти относятся:

- воспоминания о собственных истоках и истоках предков;
- представления об историческом становлении собственного этноса;
- воспоминания о временах разнообразного «величия» (политического, экономического, духовного);
- «персонифицированная» историческая память – образы и поступки героев, святых, выдающихся общественных деятелей, военных и др.;
- воспоминания о взаимоотношениях с окружающими государствами (чаще о войнах);
- конфессиональная память, основой которой являются представления про культовые обряды, принятие религии, про её судьбу [16, с.5-7].

Структуру исторической памяти также рассматривают как совокупность её составляющих: знания, язык, традиции, обряды и обычаи, ценности, символы, устное народное творчество, исторические образы и т.п. [9, с.156].

Именно эти элементы исторической памяти сформировали как среди населения Украины, так и представителей украинской диаспоры коллективные представления о прошлом нации. При этом важно подчеркнуть, что разные диаспоры имеют разные взгляды на украинские исторические реалии. Поскольку историческая память является устоявшейся в определённом обществе, то можно даже утверждать, что каждая из диаспор является носителем собственной исторической памяти [4].

Существует множество факторов, которые в течение долгого времени влияли и продолжают в той или иной мере влиять на формирование отличий исторического сознания как среди граждан Украины, так и представителей диаспоры.

Одним из установившихся факторов формирования разных моделей памяти является долговременное пребывание украинских земель в составе нескольких государственных образований – Речи Посполитой, Московского царства, Османской империи, а со временем - Российской империи и СССР, Австро-Венгрии и тех государственных образований, которые возникли на ее «обломках». К этнической идентификации следует приобщить языковую как ту определяющую особенность нации, которая непосредственно затрагивает ее историческое сознание. Определенную ценностно-оценочную амбивалентность исторической памяти обуславливают различия социального состава, идеологических ориентаций, принадлежность к нескольким конфессиям и т.п. [19, с.53].

На деле дифференциалов, влияющих на формирование исторического сознания граждан, намного больше: географических, поколенческих (поколенческих), социальных, экономических и т.п. Но наличие многих связующих звеньев в отношении понимания национальной истории

даёт возможность как жителям всех земель Украины, так и представителям диаспоры ощущать себя частичкой единой нации [19, с. 57].

Вместе с тем важно подчеркнуть свойственное современным диаспорам «зависание» в эпохе домодерна и культивирования нарративов, идеализирующих ситуации, связанные со страной происхождения. Такая «нездоровая романтизация» часто приводит к различным недоразумениям, поскольку обычно выясняется, что идеализированная диаспорой историческая Родина не соответствует фактам действительности.

Украинская идентичность той или иной мерой свойственна представителям как западной, так и восточной диаспоры, которая имеет мощное влияние на формирование внутреннего и международного имиджа и бренда «Украина». Главная проблема украинской идентичности представителей украинской диаспоры – возрастающий от поколения до поколения недостаток возможностей обратной связи между эмигрантами и Родиной происхождения, её культурой, что в определённой степени восполняет среда Интернета. Хотя отсутствие национальной памяти или существенных отличий в «памяти диаспор» является едва ли не главной причиной культурного разрыва между базовой нацией и её диаспорой.

Те представители диаспоры, которые всё-таки сохраняют этническую идентичность, национальную память, культуру, обычаи и язык, организуют сообщества, основывают школы, университеты, исследовательские институты, центры для изучения родной истории, культуры, наследия. Все их силы сориентированы на сохранение этнических корней, исторической памяти и развитие идентичности. Значительные возможности для этого создают интернет и различные социальные сети, способствующие сохранению украинской диаспорой этнического самосознания в течение длительного времени без ассимиляции окружающей средой, хотя этот процесс в определённой степени является неизбежным.

Так, по данным опросов, проведенных украинскими организациями, более половины украинцев Грузии считает украинский язык своим родным, хотя большинство владеют грузинским языком и участвуют в общественной жизни страны.

На территории Грузии работают десятки украинских общественных организаций, которые стремятся удовлетворять языковые, культурные, образовательные и другие потребности диаспоры. Среди наиболее активных и стабильных организаций украинцев в Грузии следует выделить: Ассоциацию Украинцев - жителей Грузии (г. Тбилиси); Культурно-просветительские организации «Единство» (г. Батуми) и «Золотое Руно» (г. Поти); Ассоциацию Украинских Квемо-Картли имени Л. Украинки (г. Рустави).

Центрами развития украинства в Грузии являются прежде всего украинские школы (тбилисская школа им. М. Грушевского и др.). С 2007 года при Тбилисском государственном университете им. И. Джавахишвили работает Институт украинистики. С 2010 года в Культурно-информационном центре при Посольстве Украины в Грузии

проводятся курсы по изучению украинского языка [39].

Украинскую диаспору в Грузии и грузинскую диаспору в Украине сближает то, что грузинский и украинский народы весьма схожи образом мышления, ценностями и мировоззрением. Их объединяет не только вековая дружба, но и схожесть «исторических травм» и политических ситуаций. В частности, - тех, что связаны с постсоветскими реалиями и отношениями с бывшей метрополией, - Россией, стремящейся использовать в отношении с обеими суверенными государствами принцип «разделяй и властвуй», играющей на межрегиональных и межэтнических противоречиях и т.п.

Таким образом, феномен диаспоры никоим образом нельзя игнорировать в процессе управления политическим и культурным развитием нации. Ведь эмигранты и их потомки образуют то своеобразное незаметное «культурное посольство», которое функционирует в той или иной стране и создаёт привлекательный имидж своей исторической Родине за границей, рекламируя её вполне определённую геополитическую, культурную и историческую значимость [3, с.222].

Поэтому сегодня весьма актуальным является изучение жизни украинской диаспоры в ближнем и дальнем зарубежье, её деятельности для сохранения национальной памяти, духовных и культурных традиций. Ведь в условиях информационной глобализации национальная память становится одним из механизмов защиты нации.

Тут уместно процитировать известное высказывание Джорджа Сантаяны: «Те, кто не помнит истории, не будут знать будущего». Следовательно, самым главным для украинской диаспоры является сохранение исторической памяти своего народа.

Историческое прошлое необходимо обществу для моделирования дальнейшего пути развития, для того, чтобы очистить свои сомнения перед будущим и выбрать правильный путь для своего общества [4].

После «Революции достоинства» 2013-2014 гг. и последовавшего за ней длительного военного противостояния с Россией как непосредственно в Украине, так и в украинской диаспоре национальный нарратив «переформатируется», поскольку интенсивно развивается в плане национального самоопределения информационно-коммуникативное пространство. Отсюда возникает необходимость такой формы культурной дипломатии как введение в глобальное информационное пространство национального исторического контента для активного привлечения зарубежных украинцев не только к культурному диалогу, а и к активному участию в политической жизни исторической Родины на крутом изломе её истории.

Одновременно, хотя историческая память рядом с языком и культурными традициями является одним из важных факторов консолидации общества, необходимо принимать во внимание значительные и незначительные расхождения в коллективных представлениях о прошлом граждан Украины и представителей её диаспоры. При этом очень важно акцентировать внимание на разногласиях и острых конфликтах вокруг существенных и несущественных различий в истолковании определённых «исторических

травм» на Западе и в Центре и на Юго-Востоке нынешней Украины.

Ведь именно эти различия стремятся превратить в антагонистические противоречия внутренние и внешние враги украинской независимости. Именно на них акцентирует внимание московская антиукраинская пропаганда в ходе ведения направленной против Украины «гибридной войны». В частности пропагандистская машина России активно обыгрывает тот факт, что герои национально-освободительного движения из числа представителей ОУН-УПА воспринимаются неоднозначно на Западе, в Центре и на Юго-Востоке Украины. То же самое касается украинской диаспоры: в западной украинской диаспоре (особенно в США и Канаде) ОУН-УПА имеет однозначно позитивный имидж, тогда как среди представителей восточной диаспоры – преимущественно негативный.

В итоге, первостепенной задачей украинской государственной и общественной политики национальной памяти является превращение национальной памяти в фактор консолидации, а не деконсолидации украинского общества и его диаспоры.

Одновременно трудно согласиться с традиционными для определённой части украинских националистов утверждениями о «неукраинскости» или «неполноценной украинскости» населения Востока и Юга Украины, которые являются неправильными с фактологической точки зрения и вредными с точки зрения интересов национального единства, противодействия сепаратизму и т.п. Ведь, если одним из основоположных признаков нации современного типа является отсутствие ксенофобии, то условный украинский «Восток» является в чём-то даже прогрессивнее и более современным в отличие от условного украинского «Запада». А. Умланд и А. Шеховцов в этой связи, ссылаясь на данные социологического исследования Н. Паниной, обратили внимание на такое парадоксальное явление как тесная корреляция сильных прозападных установок западных украинцев и молодого поколения украинского населения в целом, с одной стороны, и степенью приемлемости для них ксенофобских настроений, с другой. «Те регионы и социальные группы, которые считаются обычно наиболее «проевропейскими», парадоксальным образом находятся сейчас на значительно большем расстоянии от некоторых базовых европейских ценностей послевоенного периода, чем «пророссийски» настроенные восточные регионы. Например, электорат Ющенко является более антисемитским, чем электорат Януковича». Авторы объяснили этот противоречивый феномен преобладанием на Западе Украины сельского населения с присущей ему этнократичностью, а на Востоке - городского, отметив одновременно «распространение ксенофобских стереотипов среди молодежи является плохим предзнаменованием» [29].

Ряд трагических событий, травматических для сознания украинцев, проживающих не только на территории Украины, но и за её границами – представителей украинской диаспоры, влекут «исторические травмы», которые приводят к диаметрально противоположным установкам в истолковании национальных проблем представителями

разных диаспор, - восточной и западной.

Примером объединения инициатив широких слоёв общественности с активной поддержкой представителями диаспоры является национальный исторический нарратив Голодомора, который удалось уже во времена президентства Виктора Ющенко мемориализовать как трагическую страничку отечественной истории, признав её актом геноцида не только на внутриукраинском, но и международном уровне.

При этом важно подчеркнуть роль диаспоры. Ведь проблема Голодомора 1932-1933 гг. в СССР (СССР) отрицалась и замалчивалась, но зато она постоянно находилась в поле зрения украинской западной диаспоры [8, с.121]. Именно благодаря активным действиям этой части диаспоры и, в частности, канадской, которые продолжаются и поныне, мир узнал о страшных событиях Голодомора [24 с.168].

Одним из международных мероприятий по распространению правды о Голодоморе под лозунгом «Украина помнит - мир признает» стало проведение акции «Неугасимая свеча памяти», инициированной Международным координационным комитетом Всемирного конгресса украинцев, которая началась 6 апреля 2008 года в Австралии, побывала в 150 городах 33 стран мира и в ноябре того же года вернулась в Украину. 18 апреля «Неугасимая свеча памяти» прибыла в Канаду, где побывала в 17 городах [24 с.167].

При Канадском институте украинских студий (КИУС) Альбертского университета создан консорциум по изучению Голодомора в Украине. Он не только исследует эти проблемы, но и распространяет информацию о Голодоморе, чтобы канадское общество знало как можно больше об этой украинской трагедии и, чтобы эта тема была достойно представлена в школьных программах и т.п. В консорциум вошли известные на Западе и в Украине ученые из университетов Торонто, Ратгерского, Стэнфордского, Гарвардского университетов и Института истории НАН Украины.

В Альбертском университете вышел англоязычный сборник о Голодоморе 1932-1933 годов в Украине «Хрестоматия Голодомора» (*The Holodomor Reader*), содержащая основные источники и материалы, многие из которых ранее никогда не издавались на английском языке [25].

Таким образом, в том, что ныне более ста стран мира признали Голодомор 1932-1933 гг. геноцидом украинского народа, безусловно есть большая заслуга украинской зарубежной общины. Несмотря на то, что нас отделяет почти 80 лет от этой большой трагедии украинского народа, вопрос Голодомора и сегодня является одним из центральных направлений деятельности украинской диаспоры [8, с.132].

В контексте оценки значимости кампании, направленной на признание Голодомора на всех правительственных уровнях актом геноцида украинского народа [8, с. 132] невозможно не отдать должное уважения американцу индианского происхождения Джеймсу Мейсу, выдающемуся украиноведу, профессору Киево-Могилянской академии, который один из первых среди западных исследователей

обнародовал концепцию искусственного Голодомора 1932-33 гг. на Украине как акта геноцида. Заслуга Дж. Мейса заключается прежде всего в том, что он четко осознал: искусственно созданный голод первой половины 20 ст. сеял не только смерть, но и духовное разрушение Украины, направленное на уничтожение украинского народа как нации, веры в национальные идеалы, культуры, языка, традиций [27].

Благодаря социальным сетям зарубежные украинцы организуют ширококомасштабные международно-информационные кампании, направленные не только на международное признание Голодомора геноцидом украинского народа преступной советской властью, но и на реализацию многих иных кампаний, подчиненных целям сохранения национальной памяти. В этом клонтексте важно подчеркнуть, что укрепление и расширение коммуникативных связей украинского общества с украинской диаспорой является не только определенным долгом Украины как исторической Родины по отношению ко всем зарубежным украинцам, но и имеет целью сохранение национальной памяти ради достижения определенных политических и экономических целей.

Работа Украины с украинской диаспорой, направленная на реализацию спектра прямых и обратных информационных воздействий с целью формирования контента национальной памяти должна стать стратегическим приоритетом государства и в последние годы стала предметом внимания не только научных кругов, но и активного обсуждения в Интернете и социальных сетях. В эти дискуссии вовлекаются не только украинцы, проживающие на территории Украины, но и зарубежные украинцы, что позволяет объединить не только гражданское общество, но и всех этнических украинцев в единое глобальное электронное гражданское украинское общество.

Эпоха глобального информационного общества - это преодоление разрыва в расстоянии. Интернет и в особенности социальные сети стали одним из наиболее актуальных средств формирования исторического мировоззрения, патриотического воспитания молодежи. Именно благодаря Интернету в массовое сознание внедряются исторические нарративы, положительно влияющие на формирование национальной памяти мирового украинства.

Интернет превратился также в эффективное средство свободного доступа пользователей к достижениям украинской диаспоры. Ведь на протяжении уже более 125 лет украинская эмиграция в разных странах мира, стремясь сохранить национальную и культурную идентичность, издавала и издает большое количество книжных, периодических и непериодических изданий. Но этот большой пласт информации по объективным и субъективным причинам остаётся малоизвестным не только широкой общественности, но и ученым. Учитывая указанное, Институт журналистики и массовой коммуникации Классического частного университета (Запорожье) при поддержке энтузиастов и людей доброй воли инициировал создание электронной библиотеки украинской диаспоры «Diasporiana» (DIASPORIANA.ORG.UA) [23].

В социальной сети *Facebook* создано большое количе-

ство групп, участники которых являются представителями украинской диаспоры и гражданами Украины: «Украинцы за рубежом», «Все Украинцы планеты «Земля»», «Украинская диаспора: вчера, сегодня, завтра» и др. Также существует большое количество групп, проектов иностранных украинцев из почти каждой страны мира, где они проживают: «Украинцы в Грузии», «Украинцы в Италии», «Украинцы Андорры», «Украинцы Калифорнии», «Украинцы во Франции», «Украинцы в Нью-Йорке», «Украинцы в Кувейте», «Украинцы в Польше» и др. Участники этих групп активно привлекаются к обсуждению различных политических, исторических, культурных и других вопросов, отстаивают свои позиции, делятся опытом, информацией, мыслями, что свидетельствует о неравнодушие представителей украинской диаспоры к своей Родине. Численность групп и участников в сети растет очень быстро, что свидетельствует об активном вовлечении мирового украинства в единое виртуальное украинское общество без границ.

Группа *Facebook* «Украинцы в Грузии», хотя и не является моночисленной, достаточно активна. Участники группы размещают полезную информацию о культурной жизни украинской диаспоры в Грузии, организуют информационные компании на поддержку Украины, обсуждают вопросы внешней и внутренней политики Украины.

Политические конфликты вокруг вопросов национальной памяти, национальной идентичности в сети касается непосредственно событий 2013-2014 гг., памяти о Второй мировой войне, советском социализме (коммунизме) и т.п.

Целям сохранения памяти, благодаря проекту «Война» подчинена сетевая активность университетов Кембриджа, Хельсинки, Тарту, Гронингена и Бергена, где представители научной общественности с разных точек зрения изучают и освещают «войны памяти», касающиеся стран Восточной Европы и в частности Украины.

«Научная команда» исследователей из Бергена реализует в частности проект «Цифровые войны: Цифровые диаспоры и языки памяти», где исследуются миры украинских и российских социальных медиа, чьи пользователи нашли себя в мире цифровых войн. Проект Берген фокусируется на Web-опосредованной памяти, особенно в регионе, изучение которого требует углубленного понимания «нарративных травм» и посттравматических идентичностей [33, с.171-172].

Интернет кардинально поменял возможность памяти путешествовать между поколениями и общинами, и именно поэтому цифровые медиа имеют определяющее значение для культуры памяти в Украине, где прошлое живет как настоящее и активно в него вторгается, о чем, в частности, свидетельствуют трагические события 2014 года. Таким образом, не удивительно, что цифровые общины быстро политизируются. Язык памяти - онлайн - это именно тот язык, который разворачивается в «диаспоре» или в транснациональной «публичной сфере» глобального украинства, где определенные национальные идентичности размываются, а их нарративы памяти переплетаются и объединяются в цифровую диаспору, где политические оппоненты обмениваются мыслями, репликами на

одном языке, не зная друг друга «в лицо» (оффлайн), и в частности с точки зрения языковой, географической, политической идентичности друг друга и т.д. [33, с.173]. Таким образом формируется «Электронное (виртуальное) украинское общество» (electronic homeland) из числа многих людей, добровольно (deliberative) идентифицирующих себя «украинцами» в политико-культурном смысле этого понятия.

«Украинец» в измерениях глобального информационного общества - это не только титульный этнос, давший название стране, государству и его символам. Это прежде всего качественно новое политическое общество - глобальная украинская нация, которая формируется не только благодаря усилиям государства Украина, ее граждан и диаспоры, но коммуникативно, - благодаря возможностям новейших политико-коммуникативных сетевых технологий. Речь идет, в частности, о нациеобразующих возможностях социальных медиа типа *Facebook*, *Twitter* и др.

Выводы

Мировой опыт свидетельствует, что в эпоху формирования глобального информационного общества необходимым условием существования и развития нации является национальная самоидентификация людей, независимо

от территории проживания и языка общения, но которая невозможна без сохранения национальной памяти.

Следовательно, украинская нация не ограничивается границами государства Украина, а украинцами по самоопределению является не только те граждане Украины, которые проживают на территории нашего государства, но и те, кто проживает за ее пределами и идентифицирует себя с «украинскостью».

Особенно важным моментом проводимой Украинским государством политики национальной памяти, направленной на осмысление и переосмысление истории нации как основы формирования национального самосознания, является преодоление стереотипов жертвенного сознания («сознания нации-жертвы»).

В эпоху формирования глобального информационного пространства, когда Интернет включая социальные сети превратился в одно из наиболее влиятельных средств осуществления политики памяти и конструктивного диалога с представителями диаспоры, исключительно важна информационная поддержка представителей украинской диаспоры со стороны государства с целью создания и развития мощной Мировой Электронной Ассоциации Украинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая
2. идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
3. *Берегова Г. Д.* Зміна морального статусу особистості в постмодерному просторі / Г. Д. Берегова // Вісник Житомирського державного університету – 2012 - №63 – С.13-16.
4. *Бондарук С. О.* Міжнародний краєзнавчий туризм як чинник розвитку національної ідентичності / О. С. Бондарук // Проблеми культурної ідентичності та культурний проект Європи: Матеріали міжнародної наукової конференції. – Острог, 2009 – С.219-228.
5. *Гирич І., Шаповал Ю.* Чому необхідно переосмислювати минуле? – Київ: фонд Конрада Аденауера, 2010 - № 16 – 44 с.
6. *Горбатенко В. П.* Політичне прогнозування: Теорія, методологія, практика. – К.: Генеза, 2006. – 400 с.
7. *Дацюк Г.* Княгиня в царстві духу / Г. Дацюк // Голос України. – 1991. – 10 грудня.
8. *Зерній Ю.* Історична пам'ять як об'єкт державної політики // Стратегічні пріоритети. — 2007. — № 1 (2). — С. 71–76.
9. *Ковальчук О.О.* Боротьба за правду про великий голод (Заходи української громади США та Канади з визнання Голодомору 1932-1933 років в УСРР)/Олена Ковальчук// Міжвідомчий збірник наукових праць / НАН України. Інститут історії України - Київ, 2008. - С.121-134.
10. *Коник А.* Історична пам'ять та політика пам'яті в епоху медіакультури / А. Коник // Вісник Львівського ун., 2009. - Вип. 32. — С. 153–163.
11. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
12. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
13. *Маклюк О. М.* Історична пам'ять та політика пам'яті в умовах трансформації Центрально-Східної Європи / О. М. Маклюк /. Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету, 2011 - вип. 30. - С. 223-232.
14. *Масенко В.* Історична пам'ять як основа формування національної свідомості // Укр. іст. журн. — 2002. — №5. — С. 49-62.
15. *Мейс Джеймс* Урок геноциду: Чи був Голодомор геноцидом? Хто винен у тому, що сталося з українцями? Як нам подолати наслідки цієї трагедії, які, як і раніше, даються взнаки? На ці запитання спробував відповісти

професор Мейс у своїй новій статті, яку ми пропонуємо вашій увазі сьогодні. / Мейс Джеймс// День. — 2003. - 25 верес. (№ 170). — С. 4.

16. *Мелетинский Е.* Клод Леви-Стросс. Только этология? // Вопросы литературы. – 1971. – № 4. – С. 121.
17. *Новікова К.* Исторична пам'ять і етнічність // Збірка студентського наукового товариства «Гаудеамус Ігітур» (Історичний факультет). — Донецьк: ДонНУ, 2001. — Вип. 4. — С. 5–7.
18. *Ожеван М. А.* Націєтворення як «модернізація навздогін»: суперечності між модерном, домодерном і постмодерном / М. А. Ожеван // Стратегічні пріоритети. – 2013. – № 2. – С. 12-21.
19. *Ренан Е.* Що таке нація? / Е. Ренан // Націоналізм: Антологія. – 2-ге вид. – К.: Смолоскип, 2006. – С. 261.
20. *Симоненко І. М.* Особливості структури історичної пам'яті українського народу та шляхи формування національного історичного нарративу / І. М. Симоненко // Стратегічні пріоритети, 2009 - №1(10). – С. 51-61.
21. *Солдатенко В.* Проблеми політики національної пам'яті і завдання її наукового забезпечення / В. Солдатенко // Вісник НАН України, 2011- № 12.- С.52-63.
22. *Степико М. Т.* Українська ідентичність: феномен і засади формування : монографія / М. Т. Степико. – К.: НІСД, 2011. – 336 с.
23. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Морис Хальбвакс / Пер. С фр. И вступ. Статья С. Н. Зенина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
24. *Електронна бібліотека «Diasporiana»* [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://diasporiana.org.ua/>
25. *Ковальчук О.О., Майдан І.Г.* Українська діаспора Канади за визнання Голодомору 1932-1933 років в УСРР / О. Ковальчук, І. Майдан [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://enpuir.npu.edu.ua/handle/123456789/2166>
26. *Кульчицький С.* Українська діаспора спромоглася донести світові правду про голод / С.Кульчицький [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://4vlada.net/obshchestvo/stan-slav-kulchitskii-ukra-nska-d-aspورا-spromoglasya-donesti-sv-tov-pravdu-pro-golod>
27. *Ожеван М. А.* Українська національна ідея та культурополітика наздоганяючої модернізації / М.Ожеван [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ji.lviv.ua/n18texts/ozevan.htm>.
28. *Онишко Л.* Джеймс Мейс – серце, віддане Україні / Л. Онишко [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://memorialholodomors.org.ua/uk/events/archiveevents/in2013/243>
29. *Стельмашова У.* Нобелівська премія тікає від України / У. Стельмашова [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://stelmashow.livejournal.com/114599.html?thread=1518247#t1518247>
30. *Умланд А., Шеховцов А.* Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электро-маргинальности украинских ультранационалистов в 1994–2009 гг. / А. Умланд, А. Шеховцов [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://www.academia.edu/2716459/_1994-2009_
31. *Patchett E.* Cultural Memory / Е. Patchett [Електронний ресурс].- Режим доступу: <http://www.itn-cohab.eu/wiki/cultural-memory>
32. *Larson P.* Reconsidering Trauma, Identity, and the African Diaspora: Enslavement and Historical Memory in Nineteenth-Century Highland Madagascar. The William and Mary Quarterly 56 (2). – 1999 - P. 335-362.
33. *Rushdie S.* Imaginary Homelands: Essays and Criticism 1981-1991. London: Granta Books - 1991.
34. *Rutten E.* Web Wars: Digital Diasporas and the Language of Memory (An Announcement of the HERA Research Project, University of Bergen) Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media, No4 -2010 – P.171-176.
35. *Seton-Watson H.* Nations and States. A Inquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. Boulder (Colo.), 1977. – P.5.
36. *Smith A.* Ethno-symbolism and the Study of Nationalism // Nations and Nationalism. A Reader. Ed. by Ph. Spenser and H. Wollman. – New Brunswick, New Jersey: Rutger University Press, 2005. – P. 9-43.
37. *Smith A.* Interpretation of National Identity // Modern Roots: Studies of National Identity. Ed. by A. Dieckhoff and N. Gutierrez. –Aldershot: Ashgate, 2001. – P. 21-56.
38. *Vijay Agnew* Diaspora, Memory, and Identity: A Search for Home, University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division 2005. - 260 p.
39. Українці в Грузії // Офіційний сайт Посольства країни в Грузії [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://georgia.mfa.gov.ua/ua/ukraine-ge/ukrainians-in-georgia>